

Гуленко, В. И. "Как мы пришли к партизанам" (Воспоминания Н. М. Никольского) / В. И. Гуленко, М. Ф. Шумейко // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 155–165.

В. И. ГУЛЕНКО, М. Ф. ШУМЕЙКО

«КАК МЫ ПРИШЛИ К ПАРТИЗНАМ» (Воспоминания Н. М. Никольского)

Академик АН БССР, член-корреспондент АН СССР Николай Михайлович Никольский (1877—1959), ученый-историк, востоковед и этнограф, перу которого принадлежат десятки монографий и сотни научных статей, был большим патриотом нашей Родины. Два года он находился в оккупированном немецко-фашистскими захватчиками Минске. «Мы, — вспоминал ученый, — были измучены голодом, холодом и неоднократными переселениями. Грустили по свободе, по работе; наш долг властно призывал нас вернуться каким-нибудь путем в среду советского народа и занять свое место в рядах защитников советской Отчизны». Он продолжал работу над своей плановой темой и в 1943 г. закончил монографию.

1 августа 1943 г. с помощью минских подпольщиков Н. М. Никольский вместе с семьей был выведен в партизанскую зону, а оттуда доставлен в партизанскую бригаду «Разгром», действовавшую в Минской области.

В трех партизанских отрядах пришлось побывать Никольскому, прежде чем 9 марта 1944 г. его с семьей отправили в советский тыл. Он делил с партизанами все тяготы жизни, был в курсе событий на фронтах Великой Отечественной войны и помогал командирам и политработникам в подготовке политинформации для бойцов. В свою очередь партизаны живо интересовались научной работой академика, которую он продолжал, и в отряде помогали ему доставать бумагу, чернила. «Партизаны, — писал ученый, — окружили нас братской любовью и заботой. С опасностью для жизни они охраняли нас и во время трудных переездов, и во время немецких вторжений в партизанскую зону. Но главное не в этом. Самое главное заключается в том, что мы стали очевидцами большого знаменательного движения, той беспримерной в истории патриотической борьбы, которую день и ночь ведут партизаны против немецких оккупантов».

Незадолго до своего отлета в тыл Н. М. Никольский подготовил, очевидно по просьбе партизан, воспоминания «Как мы пришли к партизанам». Написанные в характерном для ученого стиле, они были помещены в рукописном журнале «Партизан Отечественной войны» (1944, февраль, № 4), выходившем в отряде им. С. Лазо бригады «За Советскую Белоруссию». Журнал находится в экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Копия воспоминаний —

155

в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500 (Белорусский штаб партизанского движения), оп. 3, д. 109, с. 3—18. Воспоминания представляют собой яркое свидетельство ученого-патриота о всенародном характере партизанского движения, развернувшегося в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии.

Воспоминания печатаются по подлиннику.

* * *

Заслуженный деятель науки
академик *Н. М. Никольский*

С начала июня 1941 г. минские научные работники переживали дни приятных и радостных хлопот — дни подготовки празднования 20-летней годовщины основания Белорусского государственного университета. Партия и правительство расценивали этот юбилей как праздник большой культурной победы не только Белоруссии, но и всего Советского Союза. Мне, как одному из организаторов и старейших работников БГУ, пришлось принимать также деятельное участие в подготовке юбилея.

Назначили, наконец, и день празднования — 29 июня, и подошли последние самые горячие дни. 21 июня я весь вечер пробыл в БГУ — осматривал уже почти законченную выставку, делал последние распоряжения относительно установки и развешивания новых экспонатов в историческом музее, участвовал в нескольких совещаниях.

В университете меня поймал сотрудник «Правды» и попросил к 12 часам следующего дня написать статью о юбилее БГУ для «Правды». Таким образом, с раннего утра 22 июня я сидел за письменным столом и писал эту ответственную статью.

Около 12 часов дня статья была окончена, и я с облегчением и приятным чувством исполнения почетного поручения слушал дневной выпуск «последних известий». Вдруг раздались заключительные слова диктора:

«Внимание! Внимание! Слушайте выступление товарища Молотова!» Все в волнении и тревоге сбежались к аппарату. «...Наглое разбойничье нападение Гитлера...» (здесь и далее отточия автора воспоминаний). Война без объявления войны... Фашисты сбросили маску... наше дело правое, победа будет за нами!». Так внезапно от творческой, научной и культурной работы и Минск, и вся Советская страна были брошены в небывалую еще в истории ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть, с гуннами и вандалами XX в., кричавшими о культуре, но на самом деле сметавшими на своем опустошительном пути всякую культуру.

Уже 24 июня Минск пылал, начиная с главной Советской улицы¹. Жители Минска либо уходили из него, либо прятались по подвалам. Вечером 25-го огонь подошел к нашему кварталу... Немцы безжалостно и варварски бомбили Минск с воздуха. Ушли и мы...

С болью в сердце уходил я из своего кабинета, прощаясь со своими дорогими книгами, накопленными за 40 лет упорной и кропотливой научной работы, прощаясь и с работой, а может быть и с жизнью. Мы хотели сесть на поезд в Колодищах², так как из Минска поезда 25 июня уже не ходили. Но когда мы добрались до станции, то там поблизости уже был высажен немецкий десант. Тогда мы пошли к Могилевскому шоссе по дороге, по которой шли туда же наши воинские части. И по пути мы должны были бесконечное число раз ложиться в канавы, в ямы, в кусты при налетах немецких аэропланов, бросавших бомбы, гранаты и строчивших из пулеметов по безоружной и незащитной толпе беженцев — женщин и детей.

Пришлось перенести много тревожных минут... К ночи пошел проливной дождь. Промокшие насквозь, голодные и обессиленные, остановились мы на ночь под навесом крыши сарая в деревне Заямочное. С рассветом, еще больше измученные, мы не смогли подняться, а на следующий день мимо деревни уже пошли немецкие войска.

Таким образом, мы оказались в полосе оккупации.

Шедшие вместе с нами два молодых научных работника из Института истории Академии наук БССР, директором которого я был, решили все же идти дальше и пробиваться через фронт. Я и моя жена по старости и слабости не имели для этого сил и вынуждены были остаться. 7 июля мы вернулись в Минск. По счастью, дом, в котором мы жили, уцелел, и моя квартира еще никем не была занята. Так началась наша безрадостная жизнь в немецкой оккупации, о которой мы еще не имели настоящего представления, но инстинктом чувствовали, что она ничего хорошего нам не сулит.

В своих листовках, плакатах и газетах немцы вопили, что они «освободили» нас от варварства и дикости большевиков и принесли с собой культуру и новую «свободную» жизнь. Однако в первую же неделю хозяйничанья в Минске все минчане узнали, что эти похвалы — гнусная ложь и что в действительности немцы разрушают культуру и свободную жизнь, заменяя их варварством и рабством.

В Академии наук, в университете и во всех других научных и культурных учреждениях немцы систематически и везде по одному плану разгромили лаборатории, учебные кабинеты, исторические музеи, испортив или уничтожив аппаратуру и экспонаты. Из библиотек и архивов выбрасывали книги и дела прямо на улицу, сжигали их на кострах; из картинной галереи все самые лучшие картины были увезены в Германию.

А ученые — «на что теперь ученые, разве только улицы подметать» — так буквально сказал одному минскому научному работнику немецкий офицер.

И эта установка строго проводилась в жизнь. Только медицинские работники могли работать по специальности — врачами, а прочие устраивались кто как мог. Одни пошли в немецкие прихлебатели и «пристроились» на «культурной работе», другие — кто кем: историк — завхозом, литератор — агентом по снабжению, этнограф — кладовщиком, другой историк и биолог — картотетчиками в канцеляриях. Были и такие, которые никак и никуда устроиться не могли.

Я и сам не стремился устроиться работать на врагов своей Родины, да и при желании не мог бы этого сделать по своему преклонному возрасту, и был зачислен «безработным» по немецкой регистрации. Но фактически безработным не был. Я решил продолжать свою советскую научную работу в полной уверенности, что «наше дело правое, победа будет за нами!». И за два года, прожитые мною в Минске при немецкой оккупации, я написал свою плановую работу 1941 г., а затем написал большую монографию, тема которой была намечена по плану четвертой пятилетки³. Эта работа была моей жизнью... Я работал для Советской Родины, для славы советской науки. Эта работа дала мне силы для того, чтобы перенести первые, самые тягостные, самые убийственные в моральном отношении месяцы войны.

Моральная обстановка была несравненно тяжелее материальной обстановки. У нас были кое-какие ресурсы для обмена и продажи, накопившиеся за время нашей жизни в советских условиях, и это спасло нас от медленного умирания, от недоедания.

Совсем другой была моральная обстановка. До декабря месяца 1941 г., когда немцы потерпели несколько

поражений под Москвой, скрыть которые им не удалось, советские патриоты вынуждены были молчать и между собой только шептаться [...]. Было несколько хороших надежных давних наших друзей, с которыми мы и отводили душу. С этой стороны мо-

ральная обстановка стала немного легче. Зато немецкий моральный гнет со времени введения «гражданского» управления стал проявлять все большую и большую силу. Появилась полиция, явная и тайная [...]. Стала регулярно выходить гнуснейшая «Белорусская газета» [«Беларуская газета»], появилась ежедневная «Минскер Цайтунг» [«Minsker Zeitung»] (Минская газета на немецком языке) — зловонные помойки, наполненные самой архихлестаковской похвальбой, самой наглой ложью, самой мерзкой клеветой!

Таким образом, круг тех лиц, с которыми мы могли откровенно и по душам беседовать, критиковать печальное настоящее и высчитывать сроки наступления радостного будущего, был узким, а встречи — несчастными [...]. С сентября по май уже с семи часов вечера нельзя было выходить на улицу, и люди, придя домой после работы, уже никуда больше пойти не могли.

Поворот для нас начался с февраля 1942 г. Уже с декабря в Минск из районов стали приходить вести о появлении партизан и о их смелых выступлениях против немецких оккупантов. Слухи были разные: одни были похожи больше на легенду, другие были скромнее, но правдивее [...].

Лично мы убедились в правдивости этих вестей после того, как один бывший работник Института истории, ездивший в Западную Белоруссию, рассказал нам о неожиданной встрече с партизанами, обстрелявшими машину, на которой он ехал, приняв ее за ожидавшуюся немецкую машину с полицейскими, и о разгроме партизанами в одной деревне всех немецких учреждений. На обратном пути он, проезжая через эту деревню, видел сожженные хаты, где помещались немцы, разбросанные на улице полуобгоревшие портреты Гитлера и немецкие плакаты, и слышал рассказы жителей деревни об этом смелом выступлении партизан. Потом пошли слухи о проникновении партизан даже в Минск и об их смелых и ловких операциях в городе.

Невольно приходила на ум мысль, не помогут ли партизаны минским советским людям? Но для этого нужно было найти какую-нибудь связь с ними. Не сразу, но такая связь у нас создалась, упрочилась и привела к коренному повороту в нашей судьбе.

В феврале 1942 г. у нас завязалось знакомство с одним молодым товарищем, которого прислала к нам с картофелем из-под Минска одна наша самая близкая приятельница (теперь партизанка) Зина⁴. Пришедший товарищ

назвался Ваней⁵, и до сих пор мы его так и называем Ванюшкой, хотя он уже давно занимает ответственные посты в партизанских отрядах. Ваня рассказал нам, что пришел познакомиться с нами как с советскими патриотами. Он был в Красной Армии политруком сначала на финляндском фронте, где во время штурма линии Маннергейма ему пришлось замещать тяжелораненого командира роты и вести ее в атаку. В 1941 г. его часть была перебросена в Белоруссию, на германскую границу. Во время отступления, в конце июня 1941 г. ему удалось избежать плена и под чужим именем устроиться на работу под Минском простым рабочим при складе. Ваня горел желанием вернуться к боевой работе и искал связи с партизанами, чтобы включиться в их борьбу. Он часто заходил к нам и скоро стал у нас своим человеком, родным, относившимся к нам с какой-то особенной теплотой и нежностью. И мы в свою очередь его крепко полюбили.

Попасть в партизанский отряд было нелегко, и только в июне 1942 г. Зина сообщила нам, что Ваня, наконец, «в лесу». Нам было радостно с одной стороны, что наш друг избавился от немецких разбойников, а с другой — было грустно, что мы потеряли хорошего человека. Но Ваня нас не забыл. В конце ноября он неожиданно, к великой нашей радости снова явился к нам.

С этого момента у нас завязалась первая связь с партизанской бригадой. Явившись к нам первый раз из партизанского отряда, Ваня передал пламенный партизанский привет от своего командира, который оказался одним из моих читателей и почитателей по антирелигиозной линии и был хорошо знаком с моей «Историей русской церкви»⁶ и с некоторыми моими другими работами по истории религии. Кроме привета, Ваня привез и партизанский гостинец — мяса, сала — продуктов в Минске очень дорогих и за нашим столом редких. На это мы ответили, и после отвечали, чем могли — бельем, одеждой, медикаментами, географическими картами, письменными принадлежностями и другими вещами.

Тогда же Ваней был поставлен вопрос о нашей эвакуации из Минска в партизанскую зону, а затем в Москву. Согласие Москвы было получено, дело как будто бы налаживалось, но затем затормозилось, сначала немецкими попытками блокировок партизанских отрядов, а затем переброской бригады, в которой был Ваня, в Борисовский район, за Березину. Если бы я и моя жена были помоложе и не страдали слабостью сердца, то

бы на дальность расстояния и на необходимость пройти значительную опасную часть пути пешком по лесным тропам за Березину. Но такой путь был нам не по силам, и поэтому эвакуация наша, намечавшаяся в конце февраля, не состоялась. Однако связь с Ваней и его бригадой не прекратилась. Его появления в Минске стали реже, но каждый раз он заходил к нам и часто у нас ночевал. В это время, в феврале 1943 г., у нас завязалась связь с другим партизанским отрядом. В числе моих учениц по БГУ была одна минчанка, перед войной уже читавшая лекции по истории ВКП(б) на историческом факультете педагогического института, которую мы запросто звали Маней⁷. Во время пожара Минска она погорела, а после прихода немцев устроилась на работу в одной деревне, недалеко от Минска. Летом и осенью 1942 г. она приходила несколько раз в Минск и заходила к нам. Зимой 1942/43 г. она втянулась в партизанскую работу, стала связной, и через нее у нас установилась связь с другими партизанскими отрядами — с ее отрядом и с двумя другими. Связные, которые приходили с ней и получали у нас также приют и ночлег, устраивали у нас свидания с минскими партизанскими работниками. Эти посещения были частыми, с этого времени мы стали иметь более или менее регулярные вести с родины, оперативные сводки, листовки, газеты и т. д.

Настроение стало другим. Мы узнали из первоисточника о разгроме немцев под Сталинградом и взятии 300 000-й армии во главе с ее командующим г. Паулюсом и его штабом, о занятии Воронежа, Курска, Харькова, Ростова, о колоссальных потерях немцев. Мы узнали о больших переменах в организации Красной Армии, о героической работе тыла, о наших международных отношениях и успехах. Нам посчастливилось прочитать доклады тов. Сталина 6 ноября 1942 г. и 1 мая 1943 г. и некоторые другие его выступления. Я не могу высказать словесно то необыкновенное чувство радости, гордости и пламенного желания вырваться скорее из немецкого плена и включиться в общенародную работу для победы над врагом, какое охватило нас в это время. На волю из плена, на свободу из «стана ликующих и праздничноболтающих, умывающих руки в крови» в стан тех, которые борются до последней капли крови, до последних сил труда «за великое дело любви» к Родине, к своему народу [...].

Осуществление нашего желания взяла на себя Маня. Она вела переговоры с отрядами и партийными организациями, она составила план нашего ухода из Минска, подготовила перевозочные средства, привлекла на помощь ряд людей в Минске и под Минском. Это была нелегкая задача. В конце июня из Минска к партизанам пришли два старых ученых — академик Прилежаев⁸ и профессор Ветохин⁹, и это заставило немцев насторожиться. Мы хотели уйти 16 июля, но этот срок пришлось изменить ввиду вышеуказанного обстоятельства и произведенных взрывов на двух заводах в Минске, после которых немцы ввели контроль на всех главных дорогах из Минска, проверку документов и вещей всех едущих и идущих из города и в город. Наш уход задержался до 1 августа. Контроль продолжался с неделю, а затем был снят, но мы выждали еще неделю, пока не удостоверились, что выезд из Минска стал опять свободным.

И вот подошел день освобождения. Странное чувство владело мной. Завтра я уйду, оставлю здесь свою библиотеку в 3000 книг, с которыми я сжился, которые будут безвозвратно для меня потеряны, оставлю привычную обстановку, домашний уют, известные удобства, уйду сам и моя семья только с самыми необходимыми вещами, уйдем по существу на театр военных действий!..

Я не только спокоен, но и радуюсь! Мы идем на свободу, идем служить Родине — это дороже всего, и для этого нужно пожертвовать всем, лишь бы только быть на свободе и вместе с Родиной!

Книги возвратятся, если не все, то самые нужные, а жизнь, если оставаться дольше в Минске, в любой час, в любой день может прерваться и уже больше не вернется. Я взял с собой только свои работы, свои заметки и выписки, около двадцати таких книг, которые всегда должны быть у меня под рукой, конспекты своих лекций. С этим и самыми необходимыми вещами 1 августа, в воскресенье, в великолепное солнечное утро на крестьянской повозке, ожидавшей нас на небольшой базарной площади недалеко от нашего дома, мы двинулись в путь. Правила лошадью Маня, а я и жена сидели в качестве пассажиров, с веселым видом горожан, едущих на прогулку в деревню...

Кончились пыльные улицы Минска, потянулось шоссе. Никто нас не остановил! Нам светит яркое солнышко, веет душистый ветер, зеленеют леса и перелески! До свиданья, Минск, дорогой Минск!.. Мы еще вернемся! Мы

вернемся к тебе опять вслед за Красной Армией, уже не безгласными рабами, а радостными строителями нового Минска, который будет краше и больше прежнего!..

Маня скоро сворачивает с шоссе на лесную дорогу и везет нас глухими проселками, чтобы избежать всякой встречи с полицейскими, которые могли бы остановить нас на шоссе или на большой дороге. По этой причине мы делаем большой крюк и вместо 20 километров до речки, за которой начинается партизанская зона, мы проезжаем верных 25 километров. Наконец, вот она, «пограничная» партизанская деревня, а за нею — речка и территория партизан. На спуске к переправе через реку мы встречаем первых партизан. Волнение и радость наши неописуемы. Можно, наконец, вслух приветствовать их запретным в Минске обращением «товарищ» и можно громко выразить наши радостные чувства. Мы почувствовали, что находимся среди своих, опять на любимой Советской Родине! С помощью партизан переехали вброд речку и углубились в лес, где нас должны были ожидать наши спутники — двое членов нашей семьи и профессор Кравцов¹⁰, выехавшие из Минска еще к вечеру 31 июля. Скоро мы соединились вместе. С ними было пять человек партизан, приехавших для сопровождения нас в дальнейшем пути и для доставки нас в наше будущее место жительства. Сердечно простились мы с Маней и двинулись дальше в лес, к месту ночлега.

Никогда не изгладится из памяти первая ночь в лесу, в партизанской зоне, в палатках из хвойных ветвей. На маленькой полянке, на которой были раскинута палатки, всю ночь горел костер, около которого грелись по очереди караульные. Не спалось. Мыслей было столько, что не передумаешь, чувств столько, что не перечувствуешь... В памяти пробежала вся двухлетняя горькая жизнь в немецкой неволе. Она теперь позади. Теперь не мы будем ходить с опаской, а немцы будут опасаться нас. Мы знаем, что впереди будет еще много тревог и опасностей, партизанская зона — военная зона, но прежнее, минское чувство полной неуверенности в своей судьбе сменилось теперь чувством спокойной уверенности. Это чувство еще более укрепило в течение нашего дальнейшего пути. Маленький отряд, сопровождавший нас, вез точно по своей земле, где знаком не только каждый поворот дороги, но и каждый кустик. Весело шутили, пели партизанские песни, рассказывали нам о своей боевой работе.

В деревнях, через которые мы проезжали, мы видели партизанские посты и как-то странно было вспоминать Минск и его окрестности, наполнен-

ные немцами и полицейскими [...]. «Неслыханные победы», о которых все еще продолжали кричать немцы, на самом деле оказывались весьма скромными: немцы могли распоряжаться только в больших городах и в ближайших окрестностях, а в остальную Белоруссию осмеливаются выезжать только крупными отрядами, вооруженными с ног до головы, и все-таки трусливы-ми, как шайка мелких грабителей на больших дорогах.

Еще одна ночь в деревне, и мы у цели. Началась наша жизнь на партизанской территории. Партизаны окружили нас самой братской заботливостью, постарались создать нам по возможности самые лучшие бытовые условия, охраняли нас день и ночь. По разным причинам наша жизнь среди партизан затянулась надолго, скоро будет уже полгода, как она продолжается. Она не была спокойной. Несколько раз мы переживали тревоги из-за немецких попыток вторжения и из-за гнусных воздушных налетов немецких разбойников на мирные деревни. Приходилось несколько раз прятаться в лесу и в болоте, ночевать под открытым небом и под проливным дождем. Но мы стойко переносили все эти тяжелые для наших старческих лет невзгоды, потому что мы были опять на родине, с советскими людьми, с нашими братьями и всегда были и останемся уверенными в нашей победе. Несколько раз мы меняли наше местожительство, пока судьба не привела нас в лагерь партизанского отряда им. С. Лазо. Приходилось совершать длинные переезды с переходами через опасные места под верной охраной товарищей партизан, которые с опасностью для жизни оберегали нас, как самых дорогих, самых близких им людей.

Эти переходы и переезды никогда не изгладятся из нашей памяти. Десятки, сотни партизан прошли с нами и перед нами. Это были люди разных национальностей и разных специальностей: белорусы, украинцы, русские, татары, грузины, армяне, казахи, чехи, поляки: крестьяне, рабочие, служащие, учителя, инженеры, врачи, научные работники — представители всех республик и всех профессий Советского Союза.

И мы видели, что все они сейчас только партизаны, спаянные одним духом, одной целью, одной волей к борьбе и к победе, беззаветной любовью к Советской Родине и неискоренимой ненавистью к подлым захватчикам. Мне хотелось бы дать характеристику некоторых отдельных товарищей, с которыми нам пришлось встретиться и с которыми мы имели постоянную непосредственную связь, но всего не поместишь в маленькой статье, для этого потребовалось бы написать большую повесть.

За эти полгода мы близко познакомились с партизанским движением и убедились, что партизанское движение Великой Отечественной войны поистине беспримерно в истории по своему масштабу и размаху, по своей так-

тике и технике, по своему всенародному характеру и по своему необыкновенному героизму.

И мне хотелось бы в заключение моего очерка повторить пожелание, высказанное мною на незабываемой

встрече Нового 1944 г. вместе с партизанами на товарищеском вечере в штабе бригады.

Я высказал уверенность, что 1944 год будет годом окончательного разгрома фашизма и что к новому 1945 г. эти леса и эти землянки станут уже историческим прошлым. Я пожелал, чтобы эти леса и эти землянки, про которые уже сейчас складываются и еще долго будут складываться легенды и песни, не были преданы запустению и забвению, но чтобы Советское государство превратило хотя бы часть из них в заповедник, в подлинный музей истории партизанского движения и чтобы постоянно сюда стекались туристы и паломники из всех республик и областей Советского Союза и из дружественных к нему стран.

Слава, бессмертная слава советским партизанам!
Слава, бессмертная слава героической Красной Армии!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

БГМИ ВОВ. Пне. № 13264 (Журнал «Партизан Отечественной войны».
1944. Февраль. № 4. С. 7—20). Машинопись.

¹ Ныне — проспект Победителей.

² Колодищи — железнодорожная станция на линии Минск — Борисов.

³ Имеется в виду монография «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» (Минск, 1948).

⁴ Завистович З. И. (1914—1944) — до войны аспирантка БГУ. Участница Колодищанского подполья. 27 июня 1944 г. арестована фашистами, погибла.

⁵ Очевидно, партизанский разведчик Архип Андреевич Притчин, легализовавшийся по документам Ивана Степановича Красовского (*Новиков И. Бессмертие Минска. Минск, 1977. С. 189*).

⁶ Монография «История русской церкви» (Минск, 1930).

⁷ Молокович М. Ф. (1903—1943) — участница Минского коммунистического подполья, руководитель Колодищанского подполья. До войны работала в Институте советского права, Институте истории партии при ЦК КП(б)Б, Белорусском политехническом институте. В августе 1943 г. расстреляна оккупантами.

⁸ Прилежаев Н. А. (1872—1944) — белорусский советский химик-органик, член-корреспондент АН СССР, академик АН БССР.

⁹ Ветохин И. А. (1884—1959) — белорусский советский физиолог, член-корреспондент АН БССР, профессор физиологии БГУ.

¹⁰ Кравцов А. А. (1874—1967) — белорусский советский ученый, зав. кафедрой строительной механики Белорусского политехнического института, профессор.